

Братя
БОНДАРЕНКО

КРЕМЕШКИ

БРАТЯ БОНДАРЕНКО

КРЕМЕШКИ

СКАЗКИ

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

Р2
Б81

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Х у д о ж н и к
В. Г. КЛЮЖЕВ

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

В таежном лесу, в старой медвежьей берлоге, жили Поземка и Метель. Иногда они вместе выходили наружу и играли. Поземка взвихривала снег, а Метель, ухватившись за верхушку длинного кедра, раскачивала его из стороны в сторону и кричала:

-У-у-у-у!

Кедр гнулся и скрипел. Скрипел и гнулся лес, а Поземка с Метелью прыгали на полянке и смеялись. А однажды

Поземке захотелось побыть одной. Осторожно, чтобы не разбудить Метель, выбралась она наружу.

Прислушалась.

Была ночь. Мерцал в небе ковш Большой Медведицы. Вокруг было тихо-тихо, даже слышно было, как позванивают, опускаясь на деревья, хрусталики инея.

Поземка, ни о чем не думая, пошла к югу. Сначала она пробиралась сквозь густые еловые заросли. Потом лес поредел. Открылось большое припорошенное снегом поле. И Поземка побежала. Длинная белая коса ее зазмеилась по снегу, заматавая следы.

— Ой, грустно мне, — всхлипывала иногда Поземка и, приостановившись и немного отдохнув, бежала дальше.

Прошел день, а она все бежала. Прошел еще день, а она все бежала, не зная куда, не зная зачем: было просто грустно и хотелось убежать куда-нибудь далеко-далеко. К вечеру третьего дня она приостановилась. Перед ней лежала чужая, незнакомая степь. Безлунная, прикрытая темным холодным небом, она казалась бесконечной.

Дальше идти было некуда. И назад дорога была потеряна: белая коса замела, похоронила в снегу ее следы. Поземка заблудилась. Вдалеке неяркий горел огонек, и она медленно пошла к нему. Она шла и думала о Метели. По вечерам Метель часто рассказывала сказки о Севере, о его глубоких снегах и переливающимися в разноцветных красках сияниях. Теперь ей никогда больше не услышать этих чудесных сказок.

К полуночи Поземка пришла в деревню и остановилась перед избушкой с соломенной крышей. В небольшом окошечке горел свет. На крыше ветер свистел в прутьях телевизионной антенны. Поземка забарабанила в стекло маленькими пальчиками. Занавеска раздвинулась, и она увидела седенького старичка. Он посмотрел на нее поверх очков и тихо сказал:

— Метет...

— Дедушка, грустно мне. Заблудилась я, дедушка.

По занавеска задернулась, и Поземка опять осталась одна, совсем одна. Долго топталась у маленького окошечка, сыпала на стекла пригоршни снега, прссилась, но так никто и не пустил ее в избу. Поземка всхлипнула и присела на завалинку, поджав под себя зябнувшие ноги.

На рассвете из Гореловской рощи пришел в деревню раскрашивать окна внук старого Деда Мороза Морозко, но, увидев прикорнувшую на завалинке Поземку, забыл, зачем пришел. Стоял, слушал, как дышит она, свежая, доверчивая.

— Уснула, моя ягодка, — сказал Морозко и, осторожно приподняв ее с завалинки, посадил на руку. Поземка склонилась к нему на плечо голову, обвила ручонкой его шею. Прошептала сквозь сон:

— Грустно мне. На Север хочу.

— Это можно, — сказал Морозко и, шагая через сугробы, пошел туда, куда хотелось ей: к глубоким снегам и плывущим в красках сияниям. Свисавшая с плеч коса ее замечала оставляемые им следы.

Утром петух дедушки Назара взлетел на забор, покосился левым глазом на солнце, послушал, о чем шепчут между собой яблони в дедушкином саду, и закричал на всю деревню:

— Кук-ка-реку! Весна пришла!

— Весна пришла, — закричали другие петухи и захлопали крыльями, а с крыш звонкая закапала капель.

Оделилась от сосны в лесу шишка и полетела на землю. А далеко ли до нее лететь?! Не успела шишка зажмуриться и по-настоящему испугаться, а уж она вот, земля-то, расстелилась во всю лесную ширь.

— Фи, как близко! — воскликнула шишка, но посмотрела наверх, подумала: «Нет, не забраться теперь на сосну... И никогда не видеть мне теперь так близко неба, как я видела его все это время».

И вздохнула:

— Ах, как высоко.

И заплакала, посыпались ее слезки-зернышки: кап, кап, кап! Одно зернышко в землю попало. Сначала холодно ему было, потом стало потеплее. Лежало зернышко в земле, поглядывало по сторонам и ничего не видело: такая вокруг темь была.

А где-то сверху, слышно стало, запели птицы и захлопали, растрескиваясь, почки на деревьях. И захотелось зернышку посмотреть, как там, наверху-то. Заворочалось зернышко в земле, расти начало. Клю-клю — пробилось наружу. Смотрит — лес вокруг и такой высокий, что не видно даже, где он кончается.

Вот и солнце показалось над лесом. Деревья повернулись в его сторону, посветлели все как-то сразу и захлопали ладошками листьев. «Красиво как», — подумало зернышко и вдруг слышит, говорит кто-то рядом:

— Смотрите, сосенка родилась. Товарищи, сосенка родилась.

Это кричали голубые колокольчики. Зернышко было умным и сразу догадалось, что это его называли «сосенкой». Имя ему понравилось, в нем было что-то от солнца — сосен-ка! Но солнце было высоко, а сосенка была внизу, и была она такая маленькая, что колокольчики и те выше нее были. Они стояли вокруг нее, и за ними ничего не было видно.

И решила сосенка посмотреть: есть ли что за колокольчиками? Начала расти. Росла, росла и выросла. Смотрит: папоротники зеленые стоят, огненные глазки бересклета поблескивают. На полянке оленуха с крошечным олененком пасутся.

— Вот, — сказала сама себе сосенка, — не выросла бы — и не увидела бы ничего этого.

А деревья стояли вокруг высокие, молчаливые, и над ними голубыми кусочками виднелось небо. И захотелось сосенке посмотреть: а какое оно вблизи, небо, и есть ли что там, далеко за деревьями?

И снова сосенка расти начала. Год растет, другой растет. На третий примечать стала, что чем выше поднимается она, тем выше небо делается и вширь раздается. И потянулась тогда сосенка кверху еще быстрее. Деревья поглядывали на нее, перешептывались:

— Быстрая какая. Нас уже догоняет.

— Из тьмы выбирается.

И выбралась сосенка. Смотрит, а за деревьями — лес, а там — еще и еще. Насколько глаз хватает, все лес, лес, лес. Сказала сама себе сосенка:

— Смотри ты, чем выше поднимаешься, тем шире горизонты перед тобой делаются. И ближе становится солнце.

И захотелось сосенке узнать, а есть ли что-нибудь там, за лесом. И снова она потянулась кверху, начала расти. Время от времени она напрягалась, отламывала от себя

лишний сук, чтобы стать еще прямее, еще чище. Рядом с солнышком ей хотелось быть только такой: прямой и чистой.

Сейчас сосенка уже самое высокое дерево в лесу, но ей по-прежнему хочется подняться еще выше и заглянуть еще дальше.

МАЛЬЧИК РАССВЕТ И ДЕВОЧКА НОЧЬ

алеко на востоке, почти у самого моря, стоял в лесной чаще небольшой домик. Много лет назад в этом домике жил мальчик. Звали его Рассвет. Каждое утро он подбегал к своей маме Утренней Зорьке и говорил ей:

— Мама, я пойду погуляю.

И Зорька отпускала его. Мальчик спешил в тайгу, напевая веселую песенку. И там, где проходил он, становилось светло, раскрывались цветы и начинали петь птицы. Он играл весь день, а к вечеру возвращался домой и ложился спать.

Так было всегда. Но однажды Рассвет повстречал в роще маленькую черноволосую девочку. Она сидела у ручья, бросала в воду алые лепестки шиповника и смотрела, как они, кружась, уплывают куда-то вниз.

Эта девочка была Ночь. Рассвет смотрел на нее издали и улыбался: она понравилась ему, задумчивая, немного печальная. И чем ласковее улыбался Рассвет, тем светлее становилось вокруг и тем звонче пели на деревьях птицы.

Зарозовели в небе облака и, розовые, отразились в ручье. Но девочка ничего не замечала. Она по-прежнему пускала по воде лепестки шиповника и о чем-то думала.

— Девочка, — тихо позвал ее Рассвет.

Она подняла на него опущенные длинными ресницами черные глаза. Вскрикнула. Вскочила на ноги. С подола ее черного платица посыпались в ручей крупные цветы шиповника.

— Девочка, — еще раз проговорил Рассвет и протянул к ней руки, — смотри, как здесь хорошо. Давай поиграем вме-

сте. Я сплелу тебе венок и подарю самую красивую розу... Но куда же ты? Ты боишься меня? Не надо, не бойся. Я тебя не обижу.

Но девочка Ночь, прижав тоненькие ручки к груди, осторожно пятилась в глубь рощи, где еще были сумеречные тени. Глаза ее блестели. Ей нравился этот неожиданно появившийся перед ней мальчик, но от него исходил такой большой свет, что она боялась его. А мальчик протягивал к ней руки и просил:

— Не уходи. Давай побудем вместе. Я нарву тебе ландышей. Много-много. И колокольчиков. Я покажу тебе все цветы в нашем лесу. Здесь столько разных цветов... Не уходи. Я всегда один и один. Поиграй со мной.

Но девочка Ночь качала головой и уходила все дальше и дальше. И все дальше и дальше шел за ней мальчик Рассвет и, протягивая к ней руки,

просил не уходить от него.

Долго вечером того дня Зорька ждала сына домой. Долго сидела у раскрытого окошка и смотрела в залитый лунным светом лес, но мальчик так и не вернулся. Не вернулся он ни на второй, ни на третий день. Не вернулся совсем. До сих пор он идет за девочкой Ночью и просит ее:

— Девочка, — и протягивает к ней руки, — зачем ты уходишь от меня? Я всегда один и один. Побудь со мной. Я спою тебе песню о солнце.

Но девочка качает головой и пятится все дальше и дальше. И мальчик идет за ней. И там, где проходят они, становится светло, раскрываются цветы и поют птицы. А Зорька, не дождавшись домой сына, перешла жить к морю. И домик их остался пустым. Он и сейчас еще стоит где-то в тайге, но найти его очень трудно.

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

Было это давно, так давно, что, кроме старой вороны, никто уже и не помнит, когда это было. Прилетела в наши леса из неведомых стран кукушка, серенькая, молоденькая, с симпатичными глазками. Была весна, птицы вили на деревьях гнезда. Решила свить себе гнездо и кукушка.

Долго летала она по лесу, выбирала красивое дерево. Выбрала березу, прямоствольную, упругую. Свила среди ее ветвей гнездышко из тоненьких прутьиков, выстелила дно его пухом. Примерилась: удобное гнездышко, хорошо в нем будет птенцов высиживать. И положила в него четыре яичка.

— Выведу птенцов и буду жить большой семьей, — сказала сама себе кукушка и села на яички.

День посидела на них, другой, скучным ей это занятие показалось. Задумалась кукушка: сейчас вот она на яичках сидит, потом, когда вылупятся птенцы, кормить их надо будет. И так день за днем, неделя за неделей — все лето. Ни полетать, ни порезвиться.

— Нет, я не такая дура, чтобы молодость свою в гнезде просидеть. Детей иметь хорошо, но лучше их иметь уже большими, чем самой выращивать.

С этими словами выпрыгнула кукушка из гнезда, взяла яичко и полетела с ним к жене кобчика. У кобчика в гнезде пять яичек. «Ничего не сделается с его женой, если она посидит на шести», — рассудила кукушка и, когда

отлучилась на минутку из гнезда жена кобчика, подложила ей в гнездо свое яичко.

Так по одному разнесла кукушка по чужим гнездам свои яички и летает по лесу довольная: выведутся ее птенчики, соберет она их всех возле себя и будет жить с ними большой семьей.

Весело провела кукушка весну. То, смотришь, уговорит сизого голубя соловьев с ней на зорьке послушать, то, глядишь, затеет с красавцем кобчиком игру в пятнашки, то улетит к Лысой Горе полюбоваться, как тюльпаны цветут.

Лето тоже было веселым. И не вспомнила за все это время кукушка про своих птенцов. А тут и осень подошла. Птицы шумными стаями кружили над лесом, готовили птенцов к отлету. Все были заняты серьезным делом, играть больше с кукушкой никто не хотел, и она почувствовала

себя одинокой. Грустно ей стало, и она решила отыскать своих детишек.

Она полетела к гнездам, куда весной подложила свои яйца, но гнезда были пусты. Кукушка заглядывала в темные дупла, звала:

— Детки!

Прислушивалась, но никто не откликнулся на ее зов. Тогда она летела дальше, снова звала и снова слушала. Один раз в огромной птичьей стае ей повстречался взрослый кукушонок. Она спросила его:

— Не ты ли мой сын?

— Нет, — ответил он, — вон мои папа с мамой, — и указал на кобчика и его жену.

Это был ее сын, но он ее не узнавал. Кукушка почувствовала себя еще больше одинокой и полетела над лесом, скликая своих потерянных детей:

— Ку-ку! Ку-ку!

Звала долго, тоскливо:

— Ку-ку! Ку-ку!

Но никто из ее детей не знал ее голоса, и никто на него не отозвался. Птицы уже потянулись к югу. Вокруг было тихо, печально. И, увидев, что она осталась совсем одна, кукушка заплакала. Она летала по лесу и плакала. И там, где падали на землю ее горячие слезы, выросли на следующую весну алые цветы, которые стали зваться кукушкины слезки.

В Гореловском лесу есть Родничок. Сейчас он уже постарел, ряской покрылся, угрюмый, одинокий, а бывало... Бывало, к нему каждое утро приходила в гости белка Рыжее Ушко. Ах, если бы вы видели, какая это была белка! Сама маленькая, глазки кругленькие, а хвостик пушистый. Придет она, бывало, сядет на бережок, свесит ножки и скажет ласково так, нежно:

— Здравствуй, Родничок. Как поживаешь?

— Замерз маленько, а так ничего, — ответит Родничок и — жур, жур — от камушка к камушку, от кустика к кусту, под мосток через дорогу, напрямик по лугу бежит к речке.

А Рыжее Ушко смотрит на него и говорит:

— А я тебе кремешков принесла. Лови! — и достанет из-за щеки кремешок.

Поймает Родничок кремешок, булькнет, пустит круги и — кремешок под водой. Булькнет еще раз, пустит круги и — второй скроется. А Рыжее Ушко хлопает лапками и говорит:

— Ой, как красиво!..

— Как же, красиво... — журчит Родничок и запевает песню:

Я с утра до заката,
И весной и зимой,
В брызгах солнечных радуг
Бьюсь веселой струей.

Надо мною о сосну
Пестрый дятел стучит,
Белка Рыжее Ушко,
Свесив ножки, сидит.

— Хорошо, ой, как хо-
рошо! — восклицает Ры-
жее Ушко и достает из-
за щеки новый креме-
шок.

— Хо-ро-шо, — буль-
кает Родничок, и Рыжее
Ушко видит, как на дне
его шевелятся кремешки.
Много кремешков. Крас-
ные, синие, коричневые.
Красиво!..

Родничок журчит.
Рыжее Ушко машет лап-
ками. И обоим хорошо,
и обоим весело.

Но вот Рыжее Ушко
вышла замуж и перебра-
лась жить в другую ро-
щу. И, кажется, ничего в
лесу не изменилось. Все
так же по утрам выкаты-
вается из-за горы сол-
нышко. Прибегают с лу-
кошками ребятишки за
ягодами. Но больше ник-
то не приходит к роднич-
ку и не бросает в него
красивые кремешки.

Много времени про-
шло с той поры, как Ры-
жее Ушко вышла замуж,

а Родничок все ждет, не вернется ли она. Постарел, травой зарос, ряской покрылся. Одичал. Иногда почудится ему голос ласковый такой, нежный:

— Здравствуй, Родничок! Как поживаешь?

Встрепенется Родничок. Засияет радостью. Отмахнет волной в сторону зеленую ряску, скажет:

— Ты пришла все-таки...

Но глянет — нет вокруг никого, только зеленые ножи осоки торчат по берегам — и запечалится. И лежит между берегов тихий-тихий. Прислушивается: не идет ли, не шуршат ли ее шаги. Но шагов не слышно, никто не идет.

КАРАСЬ И КАМЫШОВОЕ ОЗЕРО

Плохо жилось Карасю в Камышовом озере: ни ракушек в тине, ни личинок в воде. А тут еще щуки по целым дням охотятся, того и гляди, угодишь к какой-нибудь в зубы. «Нет, — решил он, — надо перебираться в другое озеро. И немедленно».

И поплыл Карась с товарищами прощаться. Окружили они его, ахают, плавнички в стороны разводят:

— Да ты что? С ума сошел? Жить тебе надоело? Дорога вон большая какая. В момент пропадешь. Или щуки изловят, или заблудишься где.

И пошла у Карася голова кругом. В самом деле, о дорожке-то он и не подумал. Поднимется откуда-нибудь со дна щука и скажет: «Пришел-таки, а я ждала, ждала тебя...» Опять же, новое место. Кто его знает, как там будет. Тут он хоть и не совсем хорошо, да устроился, а там — ни угла своего, ни товарищей. Переночевать и то негде будет.

И остался Карась в Камышовом озере. А еды с каждым годом все меньше становится. Не живет, а мучается: сегодня — не доел, завтра — не доспал. Тощий стал, страшный — чешуя да кости. Под глазами морщинки залегли, стареть Карась начал. Поглядел на него как-то Ерш и говорит:

— Разве на нашем озере свет клином сошелся? Я ухажу. Пойдем со мной. Хуже, чем здесь, не будет.

Усмехнулся Карась: дескать, куда уж хуже. За всю

жизнь раза два только досыта наедался. И повернулся к жене — к этому времени жениться успел Карась:

— Поплывем, а? Втроем любую дорогу одолеть можно.

У жены от страха даже плавничок на спине дыбом встал:

— И что ты все заладил: поплывем да поплывем. Нам ли, карасям, о других озерах думать? Ему, Ершу, хорошо: у него вон иглы какие. Он и на чужбине постоять за себя сможет. А ты? И сам пропадешь, и семью загубишь. Не надо на рожон лезть. Если быть ему, счастью, так оно тебя и здесь найдет.

И пошла опять у Карася голова кругом. И хочется ему с Ершом в другое озеро пойти, и боязно: вдруг там еще ху-

же будет. Тут хоть и мало личинок, зато ему каждый уголок знаком: знает, где искать, а на чужбине и впрямь погибнуть недолго.

Опять же и про счастье правильно жена сказала: если быть ему, так оно и сюда придет. Долго ждал, а немножко уж подождет. А то придет к нему счастье в Камышовое озеро, а его нет здесь. И скажет счастье: «Значит, Карась не нуждается во мне». И не пойдет к нему больше.

И остался Карась в Камышовом озере. И дожил до самой смерти, не ведая радости, не зная счастья. Все мечтал о другом озере, а пойти к нему не решался — смелости не хватало оторваться от насиженного места. А когда пришло время умирать, сказал самому себе:

— Пойду погляжу хоть, какое оно там, озеро другое.

Приплыл Карась в соседнее озеро, смотрит и глазам своим стареньким не верит — богатство-то какое: и ракушки в тине! и личинки в воде! И сама вода чистая-чистая, без единой щуки. А караси плавают вокруг сытые, раздобревшие, так прямо и лоснятся от жира.

— О, — развел Карась слабеющие плавнички, — радость-то какая.

Радость действительно была великая, да только мало осталось радоваться Карасю: жизнь-то уж была позади. Выкатилась у Карася из правого глаза и слилась с чужой озерной водой крошечная слезинка. Вздохнул Карась: не надо, оказывается, ждать, когда счастье придет к тебе. Надо идти к нему, искать его. Счастье, оказывается, приходит только к идущим.

МЕДВЕДЬ СПИРИДОН

Лежал у себя в берлоге медведь Спиридон и вздыхал. Утром сегодня вышел он, как всегда, на прогулку, и встретился ему на тропинке в орешнике Мишатка. Год назад Мишатка косолапил по лесу маленький, кургузый. Как-то сказал ему у водополя медведь Спиридон:

— Какой ты клоп еще, Мишка. Если дать тебе легонькую затрещину, то разыскивать тебя нужно будет за тридцать земель. А ведь тоже медведем зовешься.

Это было в прошлом году.

Собственно, в прошлом году все иным было. Шел, бывало, медведь Спиридон по лесу, расступались перед ним другие медведи, силу его чувствовали. А он пройдет в дубовую рощу, окинет взглядом кряжистые дубы и скажет с гордостью:

— Мне под стать!..

Это было в прошлом году.

А сегодня вышел медведь Спиридон на прогулку, смотрит: идет ему навстречу Мишатка — косая сажень в плечах. А лапищи широкие, когтистые. Уж если даст затрещину, то уж второй раз и бить нечего будет.

Дрогнул медведь Спиридон: что, если Мишатка не захочет ему уступить тропу и скажет: «Я теперь сильнее, сходи с тропы»? И закачаются деревья в лесу, и все пойдет кругом — так будет стыдно медведю Спиридону.

А Мишатка уже совсем рядом. Смотрит, шельма, в самые глаза и улыбается. Заволновался медведь Спиридон.

Что ему делать: уступать или не уступать Мишатке тропу? Не уступишь — он все равно отбросит в сторону и пройдет по тропе, а уступишь ему — надо будет и другим медведям уступать.

И вдруг видит — сошел Мишатка с тропы и приглашает:

— Проходи, дядя Спиридон.

И отлегло у медведя Спиридона от сердца: значит, есть в нем еще сила, если ему даже такой могучий медведь, как Мишатка, тропу уступает. В дубовую рощу прошел на дубы поглядеть. Глянул на них: стоят они, держат вершинами голубое небо и не гнутся.

— Нет, — вздохнул медведь Спиридон, — не под стать я им больше.

К реке спустился водички попить. А утро тихое было. Наклонился над водой и видит: в бакенбардах у него сединки серебрятся, у рта две складки печальные залегли и грудь узенькая какая-то стала, совсем стариковская. И тут только понял он, что Мишатка не силе — какая уж в нем теперь сила! — старости его тропу уступил.

БЕСПОКОЙНОЕ СОСЕДСТВО

ил в соседях у Леща Ерш, беспокойный такой, хозяйственный. За что ни возьмет-ся, смотришь — сделал. И лишнего не проспит. Бывало, зорька только воду чуть подкрасит, а уж он бодрствует, возле домика своего похаживает, лишний мусор от него отметаёт. Лещ же, наоборот, неумейка был. Ничего-то у него не клеилось, и учиться не хотел.

Любил Лещ поспать, в постельке понежиться. А где тут поспишь да понежишься, если зорька еще чуть заалела, а уж жена толкает в бок:

— Спишь? Все тянешься? Ерш вон и у дома уже прибрал, и на охоту успел сходить. Вставай, соня.

И хоть совсем не хочется Лещу, но приходится вставать. И надо же было поселиться рядом такому соседу. Не утерпел, сказал Ершу однажды при встрече:

— И зачем ты беспокойный такой? Через тебя и мне покоя никакого нет.

— Уж какой есть, — ответил Ерш и начал старательно отметать от своего домика крошечки занесенного водой ила.

— Видал, — сказала жена Лещу, — какая у него чистота у дома, а ты все лежишь, вытягиваешься, лежебока. Кабы знала, какой ты есть, никогда бы за тебя замуж не пошла.

Ну вот, а раньше, пока не поселился рядом Ерш, и не

говорила никогда ничего такого, все хорошо было. Эх, и рождаются же на свет такие правильные Ерши.

И, чтобы меньше видела жена Ерша и меньше донимала его правильностью, решил Лещ отгородиться от соседа. Насобирав ракушек и воздвиг возле своего домика высоченный забор. «Ну вот, думает, хоть немного поживу в покое».

Да только все хлопоты его напрасны были. Пойдет жена за чем-нибудь на озеро и, смотришь, домой уже возвращается злая-презлая. Не успеет через порог перевалить, как уже начинает плавничками размахивать:

— Лежишь, а Ерш вон дверь себе новую сделал. А нам разве не надо? Сколько раз говорила тебе: сделай.

— Ладно, — морщится Лещ, — успеется еще. Завтра дня не будет, что ли?

Но жена не унимается:

— У тебя все успеется. А Ерш вон не ждет завтрашнего дня. Он сегодня делает.

И приходится вставлять Лещу и идти дверь ремонтировать. Ремонтирует, а сам думает: «Угомону на него нет. Сам не отдыхает и другим не дает. Нет, надо бы запретить этим правильным селиться, где им вздумается. Надо бы выделить им местечко где-нибудь подальше.»

А однажды приходит как-то жена и говорит:

— Ерша сейчас видела, стройный такой, подвижный. А ты от лежания обрюзг, растолстел, глядеть даже на тебя неприятно. А ведь вы с ним ровесники.

Вскочил Лещ с постели. Кричит:

— Да что ты мне этим Ершом в глаза тычешь? Нравится он тебе, так и иди к нему жить.

— Ду-у-рак! — махнула на него плавником жена и пошла готовить обед.

И тогда решил Лещ избавиться от беспокойного соседа. Приплыл к нему, спрашивает:

— У тебя, говорят, именины сегодня? Поздравляю. Я тоже недавно именинником был... А я, знаешь, там тебе подарок припас. Пойдем угощу.

Привел Ерша к червяку на крючке и ну расхваливать:

— Смотри, жирный какой. Так весь и светится. Глотай скорее.

Но Ерш тоже не дурак был. Сразу смекнул, в чем дело. Говорит:

— Ты покажи как, я не умею.

— Пожалуйста. Вот так... Ой!

Хотел Лещ показать, как нужно червяков глотать, да и сглотнул нечаянно. Дернулся тут же кверху и пропал из виду. Посмотрел Ерш ему вслед и говорит:

— Избавиться от меня хотел. Соседство тебе мое не нравилось. Чудак! Не от меня тебе избавляться нужно было, а от лени своей. Ну, теперь тебе спокойно будет. Ты же покоя хотел.

Сказал так Ерш и поплыл не торопясь восвояси.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАПЕЛЬКИ

Налил Колька Грек бочку воды у колодца и повез ее трактористам в поле. Навстречу — прохожий, просит водой угостить. Жалко, что ли, Кольке. Зачерпнул кружку — пей на здоровье! Напился прохожий, а то, что не допил, на поле выплеснул. И попала одна капелька на одуванчик.

Ушел прохожий, Колька Грек уехал, а капелька осталась. От одуванчика — аромат, от поля гречихи — аромат. Жаворонок песнями сверху сорит, солнышко пригревает. Хорошо капельке. Закрыла она глаза и... уснула.

Проснулась капелька оттого, что почувствовала вдруг, что она летит. Смотрит, а она уже в облаке вместе с другими такими же крошечными капельками. Внизу, далеко — деревня у речки, а у самого облачка ласточка летает.

— Ласточка, — окликнула ее капелька, — Расскажи сказку.

И другие капельки попросили:

— Расскажи.

Согласилась ласточка. Летает возле облака, рассказывает. А к вечеру свежо стало. Ласточка в деревню, в гнездо к себе, улетела. От холода капелька сжиматься начала, тягелеть и вдруг... смотрит, а она уже росинкой стала.

Вместе с ней и другие капельки опустились на землю. Кто где пристроился: кто на ржаном колоске, кто на венчике цветка, а наша капелька выше всех — на самом верху выхлопной трубы комбайна.

— Комбайн, — окликнула она его, заглядывая в темное отверстие трубы, — Расскажи сказку, комбайн.

И другие капельки попросили:

— Расскажи.

Но комбайну не до сказок. Устал он. День-деньской в июльской жаре и ходит сам, и косит сам, и молотит сам. Дремлет комбайн. И капелька задремала. А утром взошло солнышко, протянуло лучик, нанизало капельку на него и подняло высоко-высоко. И снова капелька облачком стала.

Дня через два пришел откуда-то с юга ветер и начал сгонять со всего неба к одному месту облака. Сделал из них две тучи, растащил их немного в стороны и ка-а-к ударит лоб об лоб! Искры из глаз у туч посыпались, и загремел гром. Тучам было больно, и они заплакали. И снова капелька упала на землю, а как только солнышко пригрело, опять стала облачком.

Так и путешествовала оброненная прохожим капелька от неба к земле и от земли к небу. Как-то осенью выпала она вечером росой и пристроилась на ветку сирени в палисаднике. Утром ударил мороз, и почувствовала капелька: растут у нее со всех сторон рожки, вытягиваются, заостряются. «Что это со мной?» — подумала она.

А утром выбежала во двор девочка и закричала:

— Иней, иней! Ой, как красиво!

А тут и солнце взошло, и рожки у капельки так засияли, и так ей стало хорошо, что она от радости даже... растаяла. Вспыхнув в лучах солнышка, она упала в посохшую траву, а когда солнышко особенно жарко стало греть, поднялась с земли и полетела к небу.

И снова потянулись дни, хмурые дни осени. Солнышко стало сиять все реже и реже. В небе хозяйничал ветер. Он нагромоздил друг на дружку огромные тучи и тряс их, все пробовал вытрясти из них превратившиеся в снежинки капельки.

И наша капелька была в тучах. Она сидела на краю

одной из них и смотрела вниз, белая, с хрупкими крошечными лучиками. Далеко внизу лежали притихшие поля и опустевшие рощи. Капельке захотелось вдруг остаться в роще, лежать где-нибудь под дубом и слушать, как шуршат, жалуясь на ветер, уцелевшие на деревьях последние листья.

Она зажмурилась и спрыгнула с тучи. Вместе с ней спрыгнули тысячи таких же легких и лучистых, как она, снежинок. Снежинкам было весело — ведь летать всегда весело, — они шевелили лучиками и смеялись. Но они смеялись так тихо, что, кроме других снежинок, их никто не слышал.

Наша капелька-снежинка осторожно проплыла среди ветвей деревьев и опустилась на румяный осиновый листок. Листок был хорошо замечен сверху — красное сердечко, — и потому на него тут же стали садиться другие сне-

жинки. Нашей снежинке стало тесно. Она зашевелилась, зашумела. Зашумели и другие снежинки.

А неподалеку под березой сидел заяц и счесывал с себя летний пух. Услышал он тихие голоса. Огляделся: не идет ли кто? Поблизости никого не было. Заяц поглядел вверх и выпустил из лапки клочок серого пуха: прямо на него сверху опускались мириады белых снежинок.

— Вот она, зима-то, пришла! — закричал заяц, а вокруг на деревья, на сухую листву, на просеку садились и садились лучистые звездочки.

ДВА ЕЖИКА

Н а перекрестке трех дорог, у большого камня, встретились два ежика: один из Гореловской рощи, другой — из Осинников. Ощупали друг друга маленькими глазками, по шагу вперед сделали и снова друг на друга поморгали.

Спросил ежик из Гореловской рощи:

— Тебя как зовут?

— Миша. А тебя?

— Илюша. Ты как здесь оказался?

— Да так: сидел, сидел в лесу, дай, думаю, в поле схожу погляжу, что там делается. Прихожу, а здесь — ты. Давай с тобой дружить.

— Давай.

Лишь поздно вечером возвратились ежики каждый в свою рощу. Укладываясь в тепленькую из сухонькой травки постельку, слышал ежик Миша, как закричал на соседней осине у сороки в гнезде сорочонок:

— Смотри, мама, звезда полетела. Это уже вторая... А куда звезды падают, мама?

— В бездну, — ответила сорока.

— А когда все звезды упадут, что на небе останется?

— Луна.

— Бедная, скучно ей будет одной на таком большом небе.

Ночью ежику снилось темное, беззвездное небо и на

нем желтая одинокая луна. Ежик вздрагивал, просыпался и негромко говорил:

— Плохо быть одному. Хорошо, что у меня теперь друг есть.

И, чуть солнце поднялось над лесом, побежал напрямую через рожь к большому камню. И стали ежики встре-

чатся каждый день. От Осинников и Гореловской рощи пролегли к большому камню две тропки, и оказался он уже на перекрестке пяти дорог.

Однажды дождик был. Гром гремел, и сверкали молнии. Ежики жались в страхе к холодному боку камня и, когда загоралась молния, зажмуривались, втягивая головы в плечи.

— Жуть-то какая, — сказал ежик из Осинников, когда гроза утихла. — Послушай, Илюша, что я придумал. Ну зачем нам такую даль бегать, чтобы встретиться? Переходи-ка жить ко мне.

— Ну что ж, — сказал ежик из Гореловской рощи, — я согласен. Идем.

И зашлепали ежики по лужам к Осинникам. Но вспомнилась тут ежику Илюше родная роща. Родничок вспомнился. По утрам зорька моет в нем розовые пальчики. Родничок журчит, посмеивается, и поют птицы. Каждый Илюшу там знает, каждый, когда надо, на помощь зовет.

Остановился ежик из Гореловской рощи.

— Стой, Миша. В таком деле не надо торопиться. Давай подумаем. Может, лучше тебе ко мне перебраться? У меня и домик побольше, да и роща попросторнее.

— А что ж, — вздернул брови ежик из Осинников, — я—пожалуйста. Если тебе так лучше, пойдем к тебе жить. Я так считаю: где бы нам теперь с тобой ни жить, лишь бы вместе. Идем.

Повернулись ежики и пошагали по лужам к Гореловской роще. Но вспомнились тут ежику Мише его родные осинки, стройные, трепетные, с гнездами на макушках. Багряный листопад вспомнился: стоят, раздумываясь, деревья и роняют на землю похожие на сердечко листья. И всем он друг, все его уважают.

Остановился ежик из Осинников, сказал:

— Стой, Илюша. Как же это я к тебе пойду жить, когда Осинники — моя родина. А потом, я так там нужен!.. То один попросит: «Приди помоги», то другой. Кто же, кроме меня, будет Осинники от разных слизняков, мышей, змей очищать? Нет, плохо без меня будет Осинникам. Пойдем-ка все-таки лучше ты ко мне.

— А что ж, по-твоему, Гореловская роща без меня обойтись может? Или ты думаешь, кто-то другой этих гадюк там уничтожает? Так дело не пойдет. Или ты ко мне иди, или нам не по дороге с тобой...

И ежики разошлись.

Но на другой день они опять встретились, и на третий день тоже. И вот уже пять лет прошло, а ежики все встречаются, все уговаривают друг друга. Постарели. Пришептывать начали.

— Может, все-таки пойдешь? — спрашивает ежик из Гореловской рощи, а ежик из Осинников отвечает:

— Оно пойти бы ничего, да ведь — родина. А потом, я ведь так там нужен... Ну как же без меня будут Осинники?

— А Гореловская роща без меня?

И, поговорив немножко, ежики расходятся по домам, чтобы завтра встретиться снова и снова уговаривать друг друга.

Много заяц о Крымских горах слышал, а какие они — не видел. Вот и решил он: схожу погляжу, пока молодой и неженатый, а состарюсь да женюсь — не до путешествий будет. И начал собираться. Дошел походный рюкзачок. Положил в него еды, завязал потуже, забросил за спину и пошел.

Идет заяц по лесу, последним снежком похрустывает, весенним небом любуется. А в небе птицы перелетные летят. «Тоже путешествуют, как я», — думает заяц. На озере гуси дикие отдохнуть опустились. Спросил их:

— Куда, товарищи, путь держите?

— С юга на север.

— Ишь ты, а я с севера на юг пробираюсь. Хочу на Крымские горы поглядеть.

И пошел себе дальше. Дошел до Маньяшина кургана и решил привал сделать. Пообедал, на сон его потянуло. «Ну что ж, — думает, — вздремну немножко».

Подложил под щеку одну лапку, другой прикрылся и уснул.

Проснулся заяц уже перед вечером. Солнце на закат сворачивало, в лесу собирались сумерки, чужие, незнакомые. Уйдет сейчас солнышко на покой, окружают они его, зайца, со всех сторон и начнут... ощупывать, в глаза заглядывать, и некуда будет от них спрятаться.

Представил заяц себя наедине с ночью в чужом лесу, и жутко ему стало. «Нет, — думает, — лучше я эту ночь

дома пересплю, а завтра встану пораньше, уйду дальше, и будет все хорошо: лес кончится, начнется степь, а в степи каждый кустик ночевать пустит.

Успокоился заяц и побежал домой. На другой день, как загадал, встал пораньше, набрал еды и отправился в путь. Весь день шел. Пройдет немного, сядет, закусит и дальше идет, а вечером заглянул в рюкзачок, а еды-то в нем чуть на доньшке.

Опустились у зайца усы книзу. Представилось ему: кончилась у него пища, а кругом степь незнакомая. Посреди нее — он, голодный, исхудалый. Лежит, умирает. Над

ним ромашка склонилась, плачет, роняет ему на грудь белые лепестки-слезы.

«Нет, — думает заяц, — так глупо нельзя рисковать жизнью. Надо побольше набрать еды с собой, чтобы надольше хватило, может быть, даже на всю дорогу». Собрался поскорее и побежал домой. Пришел уже в полночь, еле-еле до кровати дотащился. Упал в нее и проспал до обеда. В обед вскочил с постели и за голову взялся:

— Э-э, как же это я? — но тут же махнул лапкой: ладно, не все же идти, надо и отдохнуть немножко. Сегодня он отдохнет, а завтра опять в путь двинется.

С вечера увязал заяц рюкзачок, положил его у изголовья, а чуть зорька подкрасила небо, поднялся и пошагал в сторону юга. Старался меньше отдыхать в дороге и меньше есть. И все-таки утром на другой день заглянул в рюкзачок, а в нем как раз половина еды осталась.

Заволновался заяц. Ну хорошо: день он еще проживет, но ведь за день так далеко уйти можно, что потом на порожний живот эту дорогу и за два дня не покроешь. Нет, надо опять запастись пищей. И повернул заяц домой.

Так и ходил он все лето: от дома с пищей в сторону Крымских гор и со стороны Крымских гор домой — за пищей.

Как-то уже осенью, когда он шел к дому, на озеро опустилась стая гусей. Вожак сейчас же признал его и загоготал:

— Га-га! Старый знакомый. Ну как, видел Крымские горы?

— Нет, — ответил заяц, — далеко больно. Все лето шел, но так и не дошел. Пришлось назад вернуться. С денек отдохну дома и снова пойду. До зимы далеко, может, еще дойду.

Выкупавшись, гуси поднялись над лесом и взяли направление на Крымские горы. Глядел им заяц вслед и ду-

мал: «Может, еще раз доведется встретиться. Я вот денек отдохну и пойду снова. Я упорный: уж если решил, расшибусь, но сделаю по-своему. Три года буду идти и—не сдамся. Вот только рюкзачок пополню и пойду».

И заяц бодро зашагал домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Весенняя сказка	3
Сосенка	7
Мальчик Рассвет и девочка Ночь.	11
Кукушкины слезки	14
Кремешки	17
Карась и Камышовое озеро . . .	20
Медведь Спиридон	23
Беспокойное соседство	26
Путешествие капельки	30
Два ежика	34
Путешественник	38

*Бондаренко
Вениамин Никифорович и
Владимир Никифорович*

КРЕМЕШКИ
Сказки

Редактор Л. И. Поротикова
Худож. редактор Е. В. Альбокринов
Техн. редактор В. М. Дурасова
Корректор Н. С. Стукалова

Сдано в набор 17/VII 1963 г. Подписано к
печати 3/IX 1963 г. Тираж 100.000 экз.
Формат 70х101/16. Физ. печ. л. 2,5. Усл.
печ. л. 2,92. Уч.-изд. л. 2,08. Цена 17 коп.

Куйбышевское книжное издательство,
Куйбышев Молодегвардейская, 59.

9-я типография имени Маяки областного
управления культуры, г. Куйбышев,
ул. Бенцева, 60. Заказ № 2269.

17 коп.

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964